

Евг. Вечорин

НАДГРОБНОЕ СЛОВО

У открытой могилы дорогого Василия Борисовича хочется сказать ему последнее прости и выразить бедными словами волнующие нас чувства от имени его политехнических учеников.

После Петра Бернгардовича Струве, после Михаила Владимировича Бернацкого, мы теперь провожаем последнего из стаи наших «славных».

Не мне, инженеру, подводить итоги научной деятельности покойного, это сделают другие.

Мы, С.-Петербургские политехники, объединялись с ним на общей почве любви и благодарной памяти нашей alma mater. Наш Политехнический Институт выделялся среди других высших учебных заведений своей новизной постановки обучения студентов и необычайно блестящим составом профессоров, представлявших лучшие научные силы тогдашней России.

Через всю жизнь пронесли мы наше чувство признательности, неизменно отдавая себе отчет в том, что тем, чем мы стали, мы обязаны нашему Институту и его профессорам. И не только мы, но и молодые профессора наши формировались в совершенно исключительной среде Политехнического Института, где все было необычно, — и роскошное белое здание, и блестящий состав профессоров, и новый дух.

Всю свою жизнь Василий Борисович горел тем же огнем, как и мы, и здесь в беженстве он олицетворял для нас все лучшее нашей юности. Он возглавлял наше Объединение в течение многих лет и до последнего времени горячо поддерживал наши чувства, повторяя, что и он сам обязан своим формированием той удивительной среде. Своей природной мягкостью и обезоруживавшей обаятельной улыбкой он умел примирять столкновения крайних течений

и разных взглядов, и своей терпимостью находил общий язык для всех.

Если в свое время, 54 года тому назад, разница в 10—15 лет, разделявшая нас с ним, была водоразделом двух поколений, учителей и учеников, — то с годами это сгладилось и в последнее время превратило всех нас в дружную семью, разбросанную по всему свету, но спаянную одной общей любовью.

Действительным символом нашего культа воспоминаний был дорогой ушедший, — это он своим всегдашним горением поддерживал в нас неугасающее пламя признательности. Он был для нас олицетворением всего наилучшего и прекрасного в нашем прошлом.

И это прошлое всегда было свежо и ярко в его слабеющей памяти. Все, что мы вместе пережили более 50-ти лет тому назад не блекло в его чистой душе. Тогда как происшествия последних лет им забывались, события и имена далекого прошлого сохранились в нем с поразительной четкостью и он воодушевлялся с юношеской пылкостью этими дорогими воспоминаниями.

Мы теперь все оплакиваем ушедшего от нас нашего старшего, но память о нем неразрывно связана с лучшими годами наших жизней и с тем культом, который он так пламенно до последних лет поддерживал в нас. Эта память осветит оставшийся нам жизненный путь и ее теплый огонь скрасит нам предстоящие тусклые дни.

Весть о кончине опечалит всех членов нашей преданной ему политехнической семьи и занесет грусть о незаменимой потере и в туманный Нью-Фаундленд, и в далекую Аргентину. И в Калифорнии, и в Канаде, и в Чили, и в Нью Йорке, и во всех центрах Европы отзовутся осиротевшие сердца его поклонников, учеников и друзей.

С ним уходит и кончается целый блестящий период нашего прошлого.

Вечная память дорогому нашему наставнику и другу.